

Рамзан Саматов

Путь Воина. Победитель

Книга первая

18+

Рамзан Саматов

Путь Воина. Победитель

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Саматов Р.

Путь Воина. Победитель / Р. Саматов — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Это первая книга цикла под общим названием «Путь Воина». В повести отражено становление и боевой путь разведчика Виктора Кошелева в период Великой Отечественной войны, начиная с учебы в военном училище и заканчивая операцией по спасению советской военной миссии на Балканах. Имя Виктор в переводе с латинского язык означает «победитель». Кроме повести «Победитель» в книгу вошли рассказы на тематику Великой Отечественной войны.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Штрафник	7
Глава 2. Выпускник	11
Глава 3. Разведрота	16
Глава 4. Перекопский вал	20
Глава 5. Ожидание	24
Глава 6. Письмо	28
Глава 7. Разведвыход	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Пролог

«Трус. Патологический трус. А ещё командир называется!» – Виктор презрительно сплюнул в сторону командира взвода, который лежал на самом дне воронки и при каждом звуке взрыва испуганно жался к земле, закрыв голову ладонями. А бомбы уже несколько минут как врываются на таком отдалении, что осколки даже при большом желании не долетят до них.

Виктор перевернулся на спину и, заложив руки за голову, стал смотреть на небо. Тем более, что подать команду «Отбой воздушной тревоги» некому. Этот трус ещё не скоро очухается.

Это небо лета сорок третьего года ничем не отличается от неба других дней, за исключением того, что несколько минут назад оттуда на головы курсантского батальона сыпались смертоносные бомбы. А теперь такое чистое безоблачное голубое небо, будто и нет войны. А на Викторе, вовсе не пропахшая потом и гарью курсантская гимнастерка, а его любимая, в голубую полоску, рубашка с засученными рукавами, на ногах – лёгкие парусиновые туфли. Лежит он сейчас на пляже у водной станции «Динамо». Кругом тишина, только слышны отдаленные звуки машин, гудки, разговоры людей. Вон кто-то, кажется, зовёт его...

– Кошелев! Ты чего разлётся как на пляже?

Черт! Это, оказывается, лейтенант зовёт со дна воронки.

– Самолёты улетели?

– Давно! А вы не заметили, товарищ лейтенант? – спросил насмешливо в ответ, Виктор.

– Да, тут... Это... Меня землей присыпало... – лейтенант встал и начал отряхивать гимнастерку от пыли. Постепенно к нему возвращались присущая ему надменность и позы. Он поправил портупею, похлопал по кобуре с пистолетом, снял и снова надел фуражку.

– Товарищ курсант! Встать! Подайте команду взводу: «Отбой воздушной тревоги! Строиться у дороги! Командирам отделений проверить личный состав и доложить о потерях! – сказал лейтенант визгливым голосом. – У меня голоса нет. Пыль забила».

«Совесть у тебя забила, а не пыль», – подумал Виктор. Он поднялся к краю большой рваной воронки, куда они прыгнули с лейтенантом во время бомбежки, и зычным голосом повторил команду лейтенанта.

Под внезапную бомбежку они со взводом попали, когда возвращались с подмосковного полигона. Скоро предстоят выпускные экзамены и, наконец-то, на фронт...

Но похоже, что нескольким курсантам это уже не грозит. По докладам получается, что для четверых война уже закончилась. Одного из них даже не смогли найти – только по разорванному курсантскому планшету и опознали – прямое попадание. Трое с тяжелыми ранениями, один контуженый и десять легкораненых.

Подай лейтенант команду своевременно, удалось бы избежать таких потерь. Вместо этого он первым прыгнул на дно воронки и лежал там, всхлипывая с причитаниями. Правда, видел это только курсант Кошелев.

После возвращения в расположение училища командир взвода, помня о своём позорном поведении во время бомбежки, стал придирается к Виктору. Регулярно делал замечания то за опоздание в строй, то за «неправильно» заправленную кровать, то за расстёгнутый воротник, то за успеваемость... Всячески пытался найти повод для наказания. А вчера произошёл инцидент, сильно повлиявший на дальнейшую судьбу Кошелева.

После занятий – практически, подготовки к выпускным экзаменам – Виктор зашёл в медпункт. Во время той злополучной бомбежки он повредил голень правой ноги. Была небольшая царапина, а сейчас загноилась. Хотел, чтобы медсестричка посмотрела, перевязку сделала. А к этой медсестре имел виды командир взвода. Видимо, на это время у него было назначено свидание. Кошелев только вышел из медпункта, как лейтенант, в буквальном смысле, набро-

сился на него. Увидел, что Виктор выходит из дверей медпункта и подскочил к нему, сверля глазами.

– Ты что здесь делаешь, курсант? Почему не в казарме?

– Я на перевязку приходил, товарищ лейтенант.

– Кто разрешил покинуть расположение? Знаю я ваши перевязки! К Валечке решил подкатить, да?

Лейтенант схватил курсанта за грудки и прижал к стене, дыша перегаром. От возмущения Виктор с силой оттолкнул командира. Тот, зацепившись каблуком за кочку, полетел кубарём в траву.

– Что?! На командира руку поднял? Да я тебя под трибунал! Я тебя сгною! – визжал некрасиво лейтенант, пытаясь подняться.

Виктора арестовали. Беседа с особистом вышла жесткая. Нападение на командира. От трибунала может спасти только чудо. И чудо случилось. Начальник училища своим приказом за нарушение воинской дисциплины направил его в штрафную роту. На фронт. Пусть в качестве рядового красноармейца, зато на фронт. Жаль, что так получилось – не успел выпуститься офицером.

Глава 1. Штрафник

Виктор ехал в теплушке вместе с такими же штрафниками на фронт, вновь и вновь прокручивая в голове сложившуюся ситуацию. Он пригорюнился, но духом не пал. Где наша не пропадала!

В теплушке, кроме него, было ещё человек двадцать пять. Сопровождал их старший лейтенант с тремя красноармейцами. Перед посадкой предупредил, что в случае побега – расстрел. После этого больше не показывался всю дорогу. Лишь однажды вмешался, когда на Виктора наехали двое из числа уголовников за место в нарах.

– Брысь отсюда, воин! Мы тут будем ехать с корешами. Тебе, вон, на третьем ярусе место освободили.

– С чего это вдруг? Мне и самому нравится это место. Тем более уже сутки еду...

– Нам нужен этот угол. Сейчас ещё один кент подтянется. Займёт твоё место. Давай, давай! Собирай манатки!

Видимо, уголовники решили обособиться в этом углу или что-то затевали. Но Виктор был не робкого десятка. Видя такой оборот дела, даже не вставая с нар, врезал ногой в грудь нависшего над ним наглеца. Тот улетел на противоположные нижние нары. Второй выхватил из-под рукава нож, но был перехвачен штрафником со второго яруса. Он крепко держал за запястье уголовника, не давая шевелиться. Затем аккуратно забрал нож.

– Не балуй! – сказал он. Это был крепкий, деревенского вида мужик. Не сказав больше ни слова, отвернулся и снова засопел.

– Ну, ты не жилец, воин! – сказал Виктору, оставшийся без ножа уголовник. – Мы с тобой ещё посчитаемся.

Затем повернулся к мужику и сказал:

– Эй, ты, фраер! Отдай перо!

Штрафник даже не повернулся – вот, железные нервы – лишь буркнул:

– Отдам, как доедем до места...

Об этом происшествии узнал старлей. Видимо, был тертый калач. Он не стал устраивать разборки, а просто подозвал к себе главного среди уголовников.

– Так, Шустрый, назначаю тебя охранником Кошелева. На всём пути следования эшелона. Если с ним что-нибудь случится, то первым шлёпну тебя, а затем остальных твоих корешей за попытку к бегству. Все присутствующие здесь это подтвердят! Так что забудьте свои уголовные замашки и приготовьтесь искупить свою вину кровью на поле боя! Понятно я изъясняюсь?

– Понял, гражданин начальник!

После этого разговора, уголовники больше не доставали Виктора и штрафники благополучно доехали до конечной станции.

На станции их встретила группа военных. Старший среди них был капитан – высокого роста, сухощавый, с жилистыми загорелыми руками и обветренным лицом. В нем чувствовалась большая физическая сила. Имел привычку растирать и разминать левую кисть, левая щека непроизвольно дергалась во время разговора – последствия ранения и контузии. Голос был сиплый – видимо, надорвал голосовые связки от постоянного крика на поле боя.

– Товарищи бойцы! Вы прибыли во вверенную мне отдельную штрафную роту в качестве пополнения. Нам предстоит совместно идти в бой. Мы – отдельная боевая единица для выполнения особых заданий командования. Имейте в виду, что моя рука не дрогнет, если кто струсит в бою. И пули в спину я не боюсь. Есть кому прикрыть. Так что, хотите вы или нет,

но судьба распорядилась воевать вместе. Я ваш командир, потому для вас теперь бог, царь, пахан и мамка родная в одном лице. Вопросы есть?

– Когда кормить будут, гражданин начальник? – выкрикнул кто-то из прибывших.

– Во-первых, здесь нет «гражданина начальника». Обращаться ко мне «товарищ капитан». Есть постоянный состав роты – это ваши командиры, а есть переменный состав – то есть вы, товарищи бойцы! Во-вторых, после прибытия в расположение роты вас отведут на помывку, проверят на наличие вшей, выдадут обмундирование. А затем будет готов ужин – покормят.

На фронте было некоторое затишье и поэтому Виктор, вместе со своим новыми боевыми товарищами целую неделю просидел в окопах, прежде чем отправили в первый бой. Ему даже понравилось. Командир отличный мужик, зря не орет, не придирается. Полевая кухня кормит лучше, чем в училище.

Свой первый бой Виктор запомнил на всю жизнь. Роте предстояло взять безымянную высоту на пути продвижения полка. Эту высоту подразделения пехотного полка штурмовали дважды – результат был плачевный. Так что шансов взять укрепленную высоту у штрафной роты было мало. Тем не менее задача поставлена – надо выполнять. Командир роты построил всех перед боем и сказал:

– Товарищи красноармейцы! Поставленную командованием задачу о взятии высоты необходимо выполнить! Некоторые из вас идут в бой впервые. И поэтому главное для вас: «Делай как я!» – не отставать, не трусить. Бегу я – бежите и вы; упал – падаете, но ползёте вперёд. Скоро начнётся артподготовка. С её началом мы должны как можно ближе придвинуться к окопам. После прекращения огня артиллерии, по моей команде, все поднимаются и бегут! Вперёд, а не назад! Кроме артиллерии, другой поддержки у нас не будет!

Стало немного грустно от этих слов. Не только Виктору, но и бывалым воякам – по глазам видел.

Началась артиллерийская канонада. Виктор вместе с бойцами роты пробежал некоторое расстояние, закрытое от противника, затем упал и пополз. Чем ближе подползал, тем страшнее становилось: а вдруг артиллеристы ошибутся и накроют своих же?! Но увидев, что вместе с ними, в метрах десяти, ползёт и командир роты с решительным лицом, Кошелев немного успокоился. До окопов оставалось около ста метров. Немцы их пока не видят – сидят в укрытиях. Снаряды рвутся со страшной силой. Дальше уже нельзя ползти. Капитан перевернулся на спину и дал красную ракету. Артиллерия перенесла свой огонь вглубь обороны противника.

– Рота! За мно-ой! В атаку! Вперё-оод! – кричал командир роты.

– Урра-аа! – орали все, кричал и Виктор вместе с ними.

Они бежали в сторону врага, не чувствуя ног под собой, хрипя, задыхаясь в крике. Виктор, оглянувшись назад, увидел на лицах бойцов звериный оскал, какую-то безрассудную решительность, и... споткнулся. Его кто-то сдёргнул вверх за шиворот сильной рукой и крикнул в ухо:

– Не оглядывайся! Вперёд!

Немцы уже «проснулись», но Виктор вместе с капитаном, а это он крикнул в ухо, уже ворвался в окопы. Он краем уха слышал, как с фланга ударила немецкая «швейная машинка» – ручной пулемёт MG-42. Но и он захлебнулся, одновременно со взрывом гранаты. Виктор тоже кинул гранату в окоп, затем вторую, не давая высунуться немцам. Потом сам прыгнул в траншею.

За поворотом заметил, что гитлеровец пытается установить ручной пулемёт на бруствер. Виктор прицелился и выстрелил из винтовки, попав тому прямо в лицо. Побежал по окопу в сторону убитого, навстречу выскочил второй немец, сходу проткнул его штыком, хотел бежать дальше, но... застрял. В буквальном смысле, не смог выдернуть штык из тела убитого.

Потом ему бывалые солдаты объяснят, что нужно делать выпад расчетливо, нельзя колотить штыком на всю длину, иначе застрянет. Но это придёт с навыком, если жив останешься.

Виктор оставил свою винтовку, схватил лежащий на бруствере ручной пулемёт, закинул ремень на шею и нырнул за следующий поворот окопа. Увидел группу немецких солдат – пулемёт в руке задержался, изрыгая смертоносные выстрелы. Готовы! Следующий поворот – ещё два противника отправлены к германским праотцам. За следующим поворотом были уже наши бойцы. Высота была взята.

– Командирам взводов проверить личный состав! – послышался осиплый голос командира роты.

– Командирам взводов проверить личный состав! – понеслась команда по цепочке вдоль траншеи.

– Командирам отделений... – дальше слышались команды.

Из ста двух человек, рота потеряла половину убитыми и ранеными. Но немцы уже очухались и готовились в атаку с целью вернуть утерянную высоту. А подкрепления для штрафников так и не было. Некоторые легкораненые приняли решение остаться на высоте, а не уходить в тыл.

Командир роты подошёл к Виктору, и спросил:

– Как ваша фамилия, боец?

– Красноармеец Кошелев!

– Благодарю за умелые действия, Кошелев! Молодец! Вы расчистили целый сектор, чем помогли роте избежать ненужных потерь. Представлю вас к награде после боя! А теперь надо занять оборону до прибытия подкрепления. Вы знаете трофейный пулемёт, видел, как им управляется. Предлагаю переместиться на правый фланг и обустроить там разрушенное пулемётное гнездо. Помощника я вам выделю.

Тем временем гитлеровцы пошли в атаку. Кошелев вёл огонь из пулемёта по указанному командиром сектору. Виктор уверенно вёл стрельбу из пулемёта. Этот пулемёт ему был знаком по училищу –годились знания. Первую атаку им удалось отбить довольно удачно – потерь не было. Фашисты, оставив на поле боя множество убитых, откатились назад.

Кошелев заменил перегретый ствол пулемета. MG-42 был принят на вооружение Вермахта взамен устаревшего MG-34. Характерной особенностью пулемёта была более высокая скорострельность, и к нему прилагались сменные стволы: ствол быстро перегревался, поэтому его нужно было менять через каждые 150 выстрелов, а это примерно три ленты. Сменные стволы Виктор обнаружил недалеко в металлическом футляре.

Вторым в расчёт пулемёта капитан приставил одного из уголовников – того, кто бросался с ножом на Виктора в теплушке. Но об этом капитан не знал, а Виктору было не до разборок сейчас. Да и этот малый оказался не таким уж плохим – было больше форсу тогда, перед корешами, чем реальных угроз и опасности от него. Во время боя Василий – так он представился – резво подавал ленту, следил, чтобы не захлестнулась, помогал менять стволы.

Вторая атака гитлеровцев началась классически: сначала был обстрел позиций обороняющихся из минометов, а затем пошли в атаку – волна за волной. Виктор вёл стрельбу практически безостановочно. Секунд десять-пятнадцать занимала замена ствола, пару-тройку секунд – замена ленты. Боеприпасов немцы оставили достаточно, тем не менее стрельба велась короткими очередями. Надо экономить – кто знает, сколько ещё придётся...

Вдруг Виктор почувствовал сильный удар в плечо, который отбросил его на противоположную стенку траншеи. Он сполз на дно окопа на слабеющих ногах и потерял сознание от болевого шока.

Очнулся он уже в медсанбате, куда его вынесли с поля боя санитары и Василий. Высоту пришлось оставить, поэтому обещанную капитаном награду он не получил. От роты в том бою осталась только четверть.

Ранение было достаточно серьезным. Пуля попала в верхнюю треть плеча, задела кость, была большая кровопотеря. Из медсанбата Виктора направили в тыловой госпиталь, там хирурги подлатали ему руку, да так хорошо, что через полтора месяца, он докладывал командиру роты о своём прибытии для дальнейшего прохождения службы.

Капитан был очень рад встрече. Сообщил, что представление о его реабилитации в связи с ранением рассмотрено. Со дня на день ждёт приказа. Так что теперь боец Кошелев чист перед законом.

– Виктор, пока вы отсутствовали, я изучил ваше личное дело. Вы практически готовый офицер. Предлагаю перейти в постоянный состав роты. Готов назначить вас временно исполняющим обязанности командира взвода. Скоро прибудет пополнение – надо их быстрее ставить в строй. А офицерское звание получите позже. Ходатайство я подготовлю после пары боев.

Виктор уже думал, что будет делать после реабилитации. Благо, времени на размышления было много, пока валялся в госпитале. В том, что подлежит реабилитации после ранения, он не сомневался. С одной стороны, Виктор уже привык к этой роте: и командир отличный, и ребята хорошие, сдружился с некоторыми бойцами. Василий чуть ли не каждый день прибежал, пока Виктор был в медсанбате. С другой стороны, ему хочется вернуться в училище, сдать экзамены, получить офицерское звание. Зря что ли учился?! А то, что предлагает капитан – заманчиво, но вряд ли осуществимо. После пары боев... В них ещё надо выжить.

– Спасибо, товарищ капитан, за доверие! Но я, пожалуй, вернусь в училище, сдам экзамены, завершу обучение. Будучи в госпитале я писал начальнику училища с просьбой принять меня обратно. Перед выпиской пришёл положительный ответ, – сказал Виктор.

– Что ж, воля ваша! Я не в обиде! Только жаль терять такого бойца, – сказал капитан, крепко пожимая руку Кошелева. – Желаю успехов! Боевых успехов, до победного конца войны!

Глава 2. Выпускник

Виктор остановился перед воротами родного училища, опустил к ногам вещмешок, снял пилотку и вытер пот со лба. Устал немного – пришлось пешком идти со станции, да и солнце печёт, несмотря на сентябрь. Бабье лето в разгаре, словно нет войны. Кругом тишина. Лишь только слышно, как потрескивают стволы вековых сосен на легком ветру.

Из КПП вышел дежурный, и вопросительно уставился на бойца с желтой нашивкой о тяжелом ранении на гимнастёрке.

– Тебе чего?

– Да я свой. Учился тут раньше...

– Что-то не похож на своего, – сказал недоверчиво дежурный. – Тот, кто учился здесь, как минимум – лейтенант.

– Я и буду лейтенантом! Непременно. Приехал сдать экзамены. Вот мои документы.

– Так экзамены давно закончились. Сейчас уже другой набор учится. А где ты был?

– Долго рассказывать. Пропусти.

Кошелев прошёл через КПП на территорию училища и направился в сторону штаба. Дорога проходила мимо того злополучного места – медпункта. А вот и Валя, легка на помине. Это ведь из-за неё вышел конфликт с командиром взвода, в результате чего он угодил в штрафную роту. Виктор невольно потёр место ранения. Рана периодически давала о себе знать, хотя давно уже зажила.

– Салют, боец! – сказала медсестра. – Что-то, мне лицо твоё знакомо. Ты из взвода обеспечения?

– Привет, Валя!

– Что болит? За плечо держишься.

– Ничего не болит, – буркнул Виктор и прошёл дальше, не оглядываясь. Медсестра хмыкнула и, пожав плечами, ушла к себе, на ходу поправляя прядь, выпавшую из-под берета.

В штабе ему сразу встретился начальник учебного отдела училища. Он хорошо помнил Кошелева – одного из лучших курсантов. Было очень жаль, что с ним приключилась такая история.

– Ну, проходи, проходи! Смотри-ка ты – повоевал всего ничего, а как возмужал! Ранение тяжелое, смотри, нашивка... Аха, аха... Хорошо... Давай рассказывай! – вертел его подполковник.

– А что рассказывать, товарищ подполковник?! Как у всех... Воевал, получил ранение, повезло, что не погиб – реабилитировали. Вот, теперь получил разрешение сдать экзамены.

– Ну, да... Ну, да... Давай свои документы. Конечно, ты пропустил немного, но зато с боевым опытом. И знания за эти месяцы, надеюсь, не растерял?! – сказал подполковник. – Вот тебе пропуск, отдашь его коменданту. Разместишься в казарме второй роты. На подготовку тебе неделя. Пройдись по учебникам, зайди к преподавателям. Они предупреждены, помогут с подготовкой. Через неделю будет работать экзаменационная комиссия.

– Спасибо, товарищ подполковник!

– Давай, удачи, Кошелев!

– Разрешите идти?

– Идите!

Виктор повернулся через левое плечо и зашагал к двери чеканя шаг. Когда он уже схватился за ручку двери, подполковник снова окликнул его.

– Кстати, – сказал он. – Твой обидчик, лейтенант Семёнов, тоже отправлен на фронт. Несмотря на наличие высоких покровителей, начальник училища был неумолим – после очередной выходки отправлен на передовую в качестве командира взвода.

– После какой выходки? – спросил удивленно Виктор.

– Приставал к нашей медсестре. В пьяном виде устроил скандал у всех на виду.

– Так вроде она и сама была не прочь с ним...

– Младший сержант Шишкинская утверждает обратное. Заявила, что лейтенант ей проходу не даёт. Домогается. Мешает службе. В общем, дошло до того, что лейтенант разбил окно в медпункте, когда она его не пустила. Пытался залезть к ней, но был задержан комендантом училища, который прибежал с патрулем на крики о помощи. Лейтенант, пользуясь покровительством высоких чинов в Москве, пытался обвинить ее во всех грехах. Но вмешательство начальника училища и особиста дали иной ход делу.

– А ведь мой конфликт, тоже из-за неё вышел, – сказал Виктор.

– Да, знаю, – вздохнул начальник учебного отдела. – Нехорошо получилось тогда с тобой. Начальник училища лично ходатайствовал, чтобы не давать ход делу. Статья ведь расстрельная была – нападение на командира в военное время. Вот, пришлось сделать ход конем, так сказать, и отправить тебя в штрафную роту, не доводя дело до трибунала.

Он встал из-за стола, закрыл форточку окна, хотел ещё что-то сказать, но передумал и махнул рукой в сторону Виктора.

– Ладно, Виктор, иди!

Виктор вышел из штаба навстречу осеннему солнцу. Солнце грело нещадно. Он постоял немного на крыльце, затем закинул вещмешок на плечо и зашагал к коменданту.

Неделя интенсивных занятий прошла недаром – экзаменационная комиссия была довольна результатами знаний Кошелева. Особенно был доволен преподаватель тактики, он же член экзаменационной комиссии, подполковник Зарайский. Он долго гонял курсанта по вопросам организации боя в различных ситуациях – в лесу, в городе, в горах, в обороне и наступлении. Исключительно полным был ответ курсанта по особенностям наступления на позиции, расположенных на высотах. Личный и пока единственный опыт Кошелева по наступлению на высоту и её обороне дали возможность раскрыть ответ во всей красе.

А разделы «Наставления по стрелковому делу» Кошелев щелкал как орехи. Не только вопросы устройства и технические характеристики основных видов вооружения, но и вопросы баллистики, пристрелки, приведения к нормальному бою выдавал членам комиссии по памяти.

Учитывая отличные знания, в том числе прекрасное владение немецким языком и отличную память, комиссия пришла к выводу рекомендовать выпускника в войсковую разведку.

Начальник училища лично вручил ему лейтенантские погоны. Привлек к себе, обнял по-отечески:

– Удачи тебе, лейтенант!

– Спасибо, товарищ полковник!

Кошелев перед отъездом из училища решил заглянуть к Вале в медпункт. Некрасиво он поступил при последней встрече с ней. Была тогда затаенная обида на неё. Ему казалось, что из-за этой девчонки он попал безвинно в штрафную роту. Сейчас, когда он узнал всю подоплеку происходивших вокруг неё событий, решил извиниться.

– Ааа, это опять ты, боец, – сказала медсестра, когда Кошелев постучался к ней. – Ой! Простите, товарищ лейтенант – не сразу заметила погоны!

– Ничего, – улыбнулся Кошелев. Он невольно залюбовался ладной, стройной фигурой девушки в белом халате. – Вот, убываю снова на фронт. Зашёл попрощаться. И извиниться перед вами!

– За что? – удивилась Валя.

– Вы помните историю драки курсанта и лейтенанта несколько месяцев назад? – спросил Виктор.

– Да, что-то припоминаю... Говорили, будто это произошло рядом с медпунктом. Но я ничего не видела.

– Этим курсантом был я, – Виктор горько усмехнулся. – Впрочем, там и драки-то как таковой не было... Так, толкнул слегка. А он это раздул.

– А при чем тут я? Почему решили передо мной извиниться?

– Дело в том, что это произошло, когда я выходил от вас, после перевязки. Это увидел мой командир взвода – лейтенант Семёнов. И приревновал меня к вам!

– Ах, этот?! Так это он был участником драки с вами? Вот оно что...

– Поэтому я был немного обижен на вас. Считал, раз вы с ним, простите, шашни крутите, значит, виноваты в том, что я был так жестоко наказан. Конечно, глупо это с моей стороны – вы даже не знали меня. Простите меня за мои плохие мысли о вас!

– Это вы меня простите за то, что стала невольной участницей этого неприятного инцидента... Вам столько пришлось пережить после этого. Я слышала, что вас направили в штрафбат. Ранение получили...

Она порывисто схватила руку Виктора и прижала груди. Виктору понравилась такая непосредственность девушки, он снисходительно улынулся.

– Не в штрафбат, а в штрафную роту. В штрафбат направляют офицеров. Но это теперь уже не важно. Прощайте, Валя! И берегите себя! – сказал он, накрыв своей ладонью руки девушки.

– Вас куда направляют? – спросила, спохватившись, покрасневшая Валя. Она вытянула свои руки и начала смущенно теребить пуговицы халата.

– 4-й Украинский фронт. И... меня зовут Виктор, – сказал уже у дверей лейтенант. – Виктор Кошелев.

– Я вам напишу, Виктор. Узнаю в строевой части училища вашу полевую почту и напишу! Обязательно напишу!

Виктор вышел во двор медпункта, и пошёл в направлении КПП. Всякий раз, когда он невольно оглядывался назад, видел в окне стройный силуэт девушки в белом халате. И каждый раз девушка вскидывала руку в прощальном взмахе, словно ожидала, что он опять обернется.

Лейтенант Кошелев получил назначение в отдельную разведывательную роту N-й гвардейской дивизии 2-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта, который действовал в Мелитопольском направлении. К тому времени дивизия приняла участие в освобождении Донбасса, ведя упорные бои и героизм разгромила Мелитопольскую группировку противника в Северной Таврии и замкнула гитлеровцев в Крыму, отрезав пути отступления по суше. Когда Виктор был в пути к месту назначения, в дивизии полным ходом шла подготовка к штурму Перекопских укреплений.

Эшелоны с боевой техникой, грузом и пополнением уходили на запад непрерывно. Поэтому добраться до места дислокации дивизии было делом несложным. Труднее было найти свою разведроту, потому как она находилась в постоянном движении в связи с наступлением войск под Мелитополем. В штабе дивизии указали примерное нахождение роты и махнули рукой – было не до него. Начальник разведки дивизии тоже был на передовой.

Найти роту помогло случайное происшествие. Когда он на попутном санитарном транспорте добрался до медсанбата, туда привезли раненого разведчика в сопровождении санинструктора роты. В это время Кошелев прогуливался по двору, верно рассчитав, что в медсанбате должна быть свежая информация от поступающих с поля боя раненых. Конечно, можно было пойти к связистам. Но и они в эту пору в запарке. Без связи – нет управления, а без управления – нет победы.

И вот на территорию медсанбата на полном ходу влетел командирский «Виллис». На заднем сидении, бледный от потери крови, забинтованный, полулежал боец с ранением в грудь. Голова его покоилась на коленях у красноармейца с санитарной сумкой на плечах.

– Врача, врача! – кричал водитель, еще даже не успев затормозить. – Скорее! Врача!

Из палатки выскочили санитары с носилками, а за ними скорым шагом подошел врач. Раненого переложили на носилки, врач наскоро осмотрел, увидел розовую пену у рта.

– Ранение в легкое. Гемоторакс. Несите в операционную, – приказал он санитарам устало. Затем неспешно достал из кармана папиросу и прикурил с протянутого кем-то окурка.

– Что же вы стоите? Немедленно окажите помощь раненому! – накинулся на него гневно водитель «Виллиса». Он был одет так же, как и раненый, в пятнистую форму без знаков различия.

– Успокойтесь, любезный, – сказал доктор. – Там есть кому заниматься. Вот докурю и тоже присоединюсь. Уже пять часов не курил. Ночь не спали... Устал, как черт...

Военврач был грузного телосложения, седовласый человек лет пятидесяти. Он держал папиросу около губ красными, от частого мытья, пальцами. Руку практически не опускал, затягиваясь частыми неглубокими затяжками. Вот он в последний раз затянулся, выбросил окурок, растоптал каблуком, постоял несколько секунд, запрокинув голову с закрытыми глазами, и ушел в палатку.

В это время во двор заехала полуторка. Из кабины выскочил расхристанный подполковник с интендантскими погонами, на ходу выхватывая из кобуры пистолет. Из кузова вслед за ним прыгнул красноармеец.

– Да я тебя под трибунал! – кричал интендант, передергивая затвор ТТ. – Расстреляю, к чертовой матери! Кто угнал машину, где мой портфель?

– Этот! – указал пальцем на водителя «Виллиса», приехавший с ним боец. – Я ничего не успел сделать. Он меня выкинул из машины и все!

Подполковник в бешенстве повернулся в сторону угонщика, поднял руку с пистолетом. Выстрел ушел в небо. Это стоящий в двух шагах Кошелев постарался. Успел подскочить, отбить вверх, а затем перехватить руку в замке. Он отобрал у подполковника пистолет, вытащил обойму, передернул, сделал контрольный спуск курка и кинул сопровождающему бойцу. Все это он сделал быстро, четко, что боец восхищенно охнул.

– А обойма пускай у меня побудет... пока... – сказал Виктор. – Вы, товарищ подполковник, видать, сами под трибунал захотели?!

– Ты кто такой? – спросил угрюмо, но не успокаиваясь интендант. – Эти недоумки угнали мой «Виллис» с документами. Угрожали водителю. Избили. Я это дело так не оставлю!

Виктор спокойно дослушал речь подполковника и представился:

– лейтенант Кошелев! Следую в распоряжение разведроты дивизии.

– Так ты к нам?! – воскликнул до сих пор молчавший и наблюдающий за происходящим со стороны боец в пятнистой форме. – Извините, товарищ подполковник! Но срочно нужно было раненого командира доставить в медсанбат. Мы его чуть не потеряли. Километров пять на себе тащили. А тут, смотрю, «Виллис» у дороги стоит. Боец за рулем прохлаждается без дела. Ну, мы позаимствовали. Вы бы подождали чуток там, вернули бы вашу машину в целости и сохранности. И портфель ваш цел. Там, под сиденьем.

Подполковник снова подскочил к машине, достал портфель, заглянул внутрь, что-то там посчитал пальцами.

– Открывали портфель? – спросил он грозным видом подняв голову.

– Да на кой он нам? Нам бы скорее командира довести до докторов... Кинули его под ноги, чтоб не мешал, когда укладывали старлея и... полетели...

– Ваша фамилия боец?

– Гвардии сержант Васильев! Разведрота N-й гвардейской дивизии!

– Распустились вы, разведчики! – сказал укоризненно интендант. – Я буду вынужден доложить об этом комдиву! Я вам еще покажу!

Кошелев подошел поближе к подполковнику.

– Товарищ подполковник, – сказал он мягким голосом. – Может замнем ситуацию?! Они погорячились, можно понять. И вы погорячились – слава богу, что не убили никого. Тут есть свидетели, все видели, как вы стреляли. Зачем вам и нам лишние проблемы? Машина цела, портфель на месте, сержант извинился. Давайте разойдемся мирно.

– ...

– Учтите, я тоже молчать не буду... – добавил Виктор, видя нерешительность интенданта.

– Хорошо, – буркнул под нос подполковник, понимая и своё положение. – Отдайте обойму. А ты верни пистолет и садись за руль, оболтус! Поехали! Опаздываем...

Водитель лихо развернул на месте «Виллис», видимо, желая загладить вину, и погнал на максимальной скорости по пыльной дороге. Клубы пыли вихрем поднялись до макушек деревьев, растущих у дороги, и стали медленно оседать.

Кошелев проводил взглядом уехавший транспорт, повернулся в сторону разведчика. Они молча переглянулись, потом посмотрели на водителя, стоящего разинутым ртом возле полуторки и одновременно подошли к нему с двух сторон.

– Ты, браток, откуда? – начал вкрадчиво Виктор.

– Дык, это... Вон, товарищ подполковник, – показал водитель полуторки, показав в сторону уехавшей машины, поглядывая настороженно на этого ловкого лейтенанта.

– Это мы поняли. Тебя подполковник попросил привезти его сюда. Так?

– Так! – подтвердил водитель. – Приказали!

– Ясно! Куда путь держал?

– Дык, это... Туда! – махнул он опять рукой. – На склад. Там мы вещевое имущество получаем. Товарищ старшина ожидает. Я один рейс уже сделал. Надо еще.

– А куда делаешь рейс? – спросил терпеливо Кошелев.

– Дык, это... В Ново-Троицк. Ну, там рядом.

– А нам куда надо, товарищ гвардии сержант? – спросил разведчика Виктор.

– Нам тоже туда примерно. Дальше Ново-Троицка – километров пять – пешком дойдем.

– Зачем же пешком? Нас... а как тебя зовут боец?

– Петр я.

– Вот, нас Петр довезет. Да Петр?!

– Дык это... Как товарищ старшина скажет.

– Так ты расскажи товарищу старшине, как дело было. Он поймет, я думаю... Ты поезжай за грузом-то. Да, на обратном пути нас заberi. Тебе сколько времени надо? А мы пока узнаем как дела у раненого.

– Дык, это... За полчаса обернусь. Не велик груз – в кузов закидать.

Через сорок минут лейтенант Кошелев с гвардии сержантом Васильевым и молчаливым санинструктором роты ехали, лёжа на мягких тюках, мерно покачиваясь на неровностях пыльной проселочной дороги. Виктор с любопытством разглядывал незнакомый ландшафт степной природы. Тут и укрыться-то негде – ни лесов тебе, ни холмов, ни оврагов. До самого горизонта от дороги, справа и слева, – сколько глаз охватит – уходила степь, там и тут заросшая ковылем. В метрах пятидесяти от хода машины разбежалась по земле быстро-быстро и взлетела дрофа, а затем, грациозно взмахнув темным крылом, продолжила полёт по прямой.

После часа езды в комфортных условиях разведчики высадились у села Александровка, помахали ручками на прощание, и отправились искать, где разместилась разведрота.

Глава 3. Разведрота

Командир роты квартировался в крайней хате села Александровка. Хата была аккуратная, беленая, с просторным двором и садом, сплошь в абрикосовых деревьях. Двор был отгорожен от улицы плетеной изгородью из ветлы, на столбы которой были накинuty, тут и там, глиняные горшки. Очевидно, сушились после мытья.

Сержант Васильев уверенно открыл калитку, затем направился в сторону по пояс раздетого мужчины среднего роста, с крепкой мускулистой фигурой. Он стоял в полунаклоне, а миловидная полноватая женщина лет тридцати поливала ему на спину воду из ковшика. Он охал, фыркал, энергично потирал шею, грудь, спину – куда рука доставала. При этом его мускулы бугрились, играли от движений, а женщина, восхищенно прикрыв пухлыми пальчиками левой руки свои губы, смотрела во все глаза. Вот он, в последний раз фыркнув, выпрямился, снял с плеч женщины полотенце с вышивками на концах, накинул на шею, улыбнулся ей и... заметил вошедших во двор военных.

– Товарищ гвардии капитан, разрешите обратиться? – спросил его сержант. В его голосе чувствовалось уважение, здоровый страх перед строгим командиром и некоторая доля восхищения – почти как у женщины, стоящей рядом.

– Говори, сержант! Спасибо, Марья! – сказал капитан, обращаясь одновременно к обоим. Марья молча ушла в хату, а сержант продолжил:

– Старлея доставили своевременно. Успели, благодаря подвернувшемуся транспорту. Его уже прооперировали. Военврач сказал, что его жизни ничего не угрожает. Ранение в правое легкое. Санинструктор ушел к себе, а со мной вот – лейтенант прибыл.

– Наш человек, – добавил он. Капитан вопросительно повернулся в сторону Виктора.

– Лейтенант Кошелев! Прибыл для прохождения дальнейшей службы, – отпартовал Виктор.

Капитан бросил взгляд на его нашивку о ранении и сказал:

– Гвардии капитан Лысенко Сергей Петрович. Командир отдельной разведывательной роты. Где воевали, откуда прибыли?

– Да, я почти не воевал, товарищ гвардии капитан. Так, один бой за высоту и ранение... Прибыл с N-ского пехотного училища после выпуска.

– Что-то, поздновато для выпуска...

– Для меня был отдельный выпуск, в связи со сложившимися обстоятельствами.

– Ладно! Разберемся потом. Отдайте документы писарю роты для оформления, разместитесь, затем представим личному составу роты, а вечером жду вас на ужин ко мне с остальными командирами взводов. Васильев, проводи!

На построении, Кошелев был представлен личному составу роты в качестве командира второго взвода. Виктор разместился со своими подчиненными в одной из хат. Дислокация роты в большом селе позволяло разместить личный состав по домам.

До ужина, предстоящего у командира роты, Виктор познакомился со своим взводом. По возможности, сколько времени хватило, изучил их «солдатские» книжки. Вернее, они назывались «Красноармейскими книжками», где записываются все данные на бойца. «Красноармейскую книжку» каждый должен был иметь при себе. Не «Личное дело», конечно, но для краткого знакомства сойдёт.

Это позволило в кратчайшие сроки, благодаря отменной памяти, изучить данные на подчиненных. Конечно, настоящее знакомство произойдет лишь в деле, в повседневном общении. Но он уже мог без запинки назвать по фамилии тех бойцов, чьи книжки успел просмотреть. Сделал это так: попросил заместителя комвзвода собрать у бойцов книжки, разложить стоп-

ками по отделениям и начал просматривать по диагонали все странички книжки. Затем приглашал бойцов по одному, при этом он определял хозяина книжки, называл по фамилии, находил в стопке его книжку, вручал обратно. И так с каждым. Прервал свои упражнения памяти и знакомство лишь когда посыльный позвал его к командиру. Осталось познакомиться ещё с одним отделением, ну, да ладно, завершит потом.

У командира роты собрались все командиры взводов, за исключением командира третьего, который угодил с ранением в медсанбат. Судя по тяжести ранения, не скоро вернётся. Скорее всего, отправят долечиваться в тыловой госпиталь.

Ужин был у командира хорош – давно Виктор не ел такого вкусного борща со сметаной и чесноком. Да зелень на столе, да хлеб пахучий, да разносолы, да картошечка вареная, да присыпанная кропчиком...

Ели молча. Молчал командир – молчали все. Лишь однажды Виктор не удержался:

– Эх, хорошо! Вкусный борщ!

– Это наша Марьюшка постаралась, – сказал капитан. – У неё по-другому не бывает.

– Ну, скажете уж, Сергей Петрович, – засмушалась Марья, наблюдавшая за ними от печки. – Вы ешьте, ешьте! Я ещё добавлю...

– Не откажусь, – отозвался Виктор.

После нескольких дней в дороге на сухом пайке, сегодняшний ужин ему казался царским пиром. И он потешил свой желудок ещё одной порцией борща. Когда капитан, наконец, увидел, что новоприбывший насытился – остальные давно уже отложили ложки – предложил всем выйти во двор.

Здесь они сели кружочком под абрикосовыми деревьями на лавочки и закурили. Вернее курили все, кроме капитана.

– У нас в роте определенная традиция, – начал капитан, обращаясь к Виктору. – Завтрак в одиночестве, обед со взводом, ужин у меня. Это, конечно, в период тишины, когда нет боевых выходов, как сегодня. Так вот, после ужина у нас традиционно происходит командирский разбор «полетов». Но сегодня у нас не совсем традиционно. Группа разведчиков со старшим лейтенантом Егоровым попала в засаду. Егоров тяжело ранен, задание не выполнено.

Капитан Лысенко слегка поежился от неприятных мыслей, качнул головой и продолжил:

– Егорова нет – докладывать ситуацию некому, кроме сержанта Васильева. Я с ним уже беседовал. Потому информацию по провалу операции доведу сам. Командование крайне недовольно. Начальник разведки дивизии лично прибыл сегодня сюда, чтобы изучить ситуацию на месте. Готовится большое наступление. Нужна постоянная, регулярная информация по противнику. А кто это может добыть кроме нас? Никто! Это наша основная работа!

Капитан начал повышать голос, и в нем уже слышались металлические нотки:

– Почему провалили операцию? – спросил он. И сам же ответил. – Самоуверенность, вкупе со страхом. Самоуверенно пошли по неизученному маршруту, нарвались на засаду – это ещё надо выяснить, что за засада, откуда знали о движении группы. К самоуверенности, в последующем, присоединился страх неизвестности. В результате задание провалено. Чему я вас учу?! Это хорошо, что обошлось только ранением командира группы, и они смогли вынести своего командира без других потерь. А могли всю группу там оставить...

– Завтра поведу группу сам, – продолжил капитан. – За меня остаётся командир первого взвода.

– Есть!

– Разрешите мне с вами, товарищ гвардии капитан? – это подал голос Кошелев.

– Нет! – твёрдо сказал командир роты. – Я пока не могу быть уверен в вас. Не обижайтесь, но вы ещё не разведчик. Грубо говоря – подчинённые не слышат – вы вообще никто. Через неделю-другую интенсивной подготовки, возможно, что-то из вас можно слепить. И то при

наличии базы. Это я проверю после возвращения с задания. А пока изучайте личный состав, знакомьтесь, общайтесь с командирами и вникайте в работу.

Ночью, уже ближе к рассвету, группа во главе с капитаном ушла на задание. Задание было крайне сложным. Нужен язык. Причем язык нужен конкретно владеющий информацией об укрепрайоне Перекопского перешейка. По поступившей оперативной информации был такой человек – оберст-лейтенант инженерной службы Шульц. В крайнем случае, при невозможности захватить его, то штабс-фельдфебель укрепрайона Вольфганг Груббер – этот является, практически, правой рукой Шульца и владеет не меньшей информацией. И передвигаются они по району вместе. Штабс-фельдфебель непосредственно принимал участие в строительстве долговременных укрепленных позиций.

Утром замкомвзвода увёл подчиненных Кошелева на практические занятия за село. Виктор полностью доверился ему, лишь со стороны наблюдая, как разведчики тренируются. Ему было интересно, ведь он и сам был неплохим спортсменом. До войны занимался парашютным спортом, в училище увлёкся боксом, гиревым спортом – неоднократно призёр соревнований. В училище преподавали рукопашный бой, штыковой бой (тут ему вспомнился, как неудачно провёл свой реальный штыковой бой в той злополучной высоте). Правда, в военном училище больше внимания уделялось общефизической подготовке, преодолению препятствий, владению холодным оружием, штыком. «... Умело сочетая огонь и движение, сблизиться с противником, атаковать его, уничтожить в рукопашной схватке или захватить в плен и закрепить за собой захваченную местность...» – тут же пришли на ум строки из «Боевого устава пехоты».

Разведчики немного размялись, разбились на пары – провели схватки, но не это было главным. Виктору показалось странным, что они уселись в круг «по-турецки», руки сложили на колени, закрыли глаза и будто уснули. Кошелев, даже устал ждать. Хотел уже окликнуть – сделать замечание, но тут к нему подошёл один из офицеров роты. Это был командир первой роты с птичьей фамилией Сеницын.

– Что? – спросил он, и в шутку надвинул пилотку Кошелева на нос. – Наблюдаешь? Ну, наблюдай, наблюдай! Ещё не такое увидишь! У нас командир особенный.

– А что они делают? – спросил Виктор, поправляя пилотку.

– Созерцают. Укрепляют дух и тело. Медитация называется. И ты знаешь, помогает. Это наш командир придумал – созерцать на каждом занятии.

– Странно, – сказал Кошелев. – Я ничего подобного раньше не видел.

– То ли ещё будет, – усмехнулся Сеницын. – Вот вернётся командир...

– А расскажи мне про него! – перебил Виктор.

– Ну, пойдём в тенёчек присядем, расскажу.

Они отошли в сторонку, к одиноко стоящей сосне с кривым стволом и широкой кроной. Виктор распиная сапогом в стороны упавшие прошлогодние сухие шишки и первым уселся, прислонив спину стволу дерева. Сеницын примостился рядом.

– Капитан Лысенко прибыл к нам год назад, когда прежнего командира убило, – начал повествование Сеницын. – Сам я давно здесь – с момента формирования. Капитан ещё не был капитаном тогда, а всего лишь старший лейтенант. Приехал он к нам из Дальнего Востока. То ли из Хабаровска, то ли из Владивостока. Есть мнение, что он раньше жил в Японии. И фамилия у него настоящая не Лысенко. Но это нам не ведомо. Сам он особенно не распространяется о своей прежней жизни.

Сеницын поерзал на месте, пытаясь принять удобную позу, вытащил из-под себя шишку, подвинулся ближе к стволу и тоже прислонился к сосне. Запустив шишку в сторону, продолжил:

– Главное, что он отличный командир. Строгий – панибратства не допускает. Со всеми на вы. И с собственной философией и мировоззрением. Но это службе не мешает, а наоборот.

Все эти медитации – оттуда. Совершенно владеет своим телом, отличный стрелок и боец. Тут у нас в разведке есть разные люди – спортсмены, боксеры, просто сильные люди. Но ни один из них не выдерживает и минуты рукопашного боя с ним. Очень ловкий и выносливый. Такое ощущение, что этот человек не знает ни усталости, ни боли. На боевых выходах за его темпом не угнаться. А один раз видел, как в лесу в него попал самострел – видимо, оставленный охотниками ещё до войны – стрела воткнулась ему в плечо. А он хоть бы какой звук издал – молча постоял некоторое время, вытащил стрелу, зажал рану рукой. Так и стоял, пока его не перебинтовали. Мы ещё два дня ходили, ни разу не пожаловался. Говорит, что с болью надо дружить, уметь разговаривать. И тогда она отступит. Вот такой он, наш капитан.

Виктор слушал Сеницына, не перебивая, внутренне радуясь тому, что судьба предоставила возможность встретить такого удивительного человека. Он непременно станет как Лысенко. Попросит его научить всему, что тот умеет.

Тем временем, утренние занятия разведчиков закончились, замкомвзвода доложил Кошелеву об этом, и они строем направились в село. А старший лейтенант Сеницын остался со своим взводом. Слышно было, что он распекал своих – несмотря на то, что был занят беседой с Виктором, не забывал наблюдать за действиями взвода. Заставил повторить некоторые элементы. Да уж, тяжело в учении, зато легко в бою.

Глава 4. Перекопский вал

Когда солнце клонилось к закату, окрашивая часть неба в кроваво-красный облачный узор, капитан со своей группой прибыл в расположение роты. Они блестяще выполнили задание, сдали языка особистам в штабе дивизии и прикатили на полуторке, выделенной начальником разведки. Подполковник был доволен, а потому расщедрился на транспорт для группы Лысенко.

Командир роты никоим образом не выдавал свои эмоции. Был строг, деловит и стремителен. Раздал текущие указания подчиненным, затем приказал собрать всех командиров на совещание.

– Наступление наших войск в направлении укреплений Перекопского перешейка и Сивашских позиций продолжается. Командованием, в результате допроса языка, принято решение возложить на нашу роту следующую задачу: овладеть господствующей высотой в районе Турецкого вала и удерживать до подхода основных сил. Прошу достать карты, товарищи офицеры.

«Опять высота», – подумал Виктор, открывая свой планшет. Он невольно потер раненое плечо. Хотя рана давно зажила, иногда давала знать небольшим саднением.

– Строго говоря, это не высота, а развалины Перекопской крепости. Наличие противника установлено здесь и здесь, – показывал на карте командир роты. – В первую очередь обратить внимание на подавление огневых точек в ДЗОТах. Они устроены здесь, дальше по валу еще один. С ними работают бойцы первого взвода. Далее обеспечиваем данными огневого поражения объектов противника. Для этого нам придан артиллерийский наводчик. Главное – действовать внезапно и скрытно. Отсутствие складок местности для скрытного приближения компенсируем ночной темнотой. Прошу заняться подготовкой личного состава и оружия для боя в ночное время. Сегодня это должно быть особенно тщательно. Не группа выходит, а вся рота. На подготовку нам даны одни сутки. Лейтенанта Кошелева прошу остаться, остальные свободны.

– Ваш взвод остается в резерве, – сказал капитан Виктору. – В бой не вступать ни при каких обстоятельствах. Только по моей команде.

Кошелев был расстроен – он рвался в бой. Но капитана это мало волновало.

– Ожидать вот здесь, – капитан показал на карте. – Связь будем поддерживать ракетами. Красная ракета в вашем направлении – «требуется помощь», зеленая – «все в порядке», высота взята.

Началась подготовка роты к боевому выходу. Чудно было это для Виктора. Все бойцы роты вместе со своими командирами облачились в диковинные одежды – каски обмотали тряпками, на себя примеривали какие-то лохмотья – так показалось Кошелеву. Но при ближайшем рассмотрении оказалось, что это добротно сшитая одежда: куртка с капюшоном и штаны. Только к ним часто-часто были пришиты полосы разной ткани защитного цвета. «Как чучело», – подумал Виктор. Один из бойцов взвода ему тоже принес такую форму «чучело».

Не остались без внимания оружие бойцов и ящики с боеприпасами. Все было обмотано тряпками, чтобы не гремело и не блесело в темноте. Хотя, штаны позволяли носить навыпуск поверх сапогов, были предусмотрены специальные тряпичные бахилы. Их необходимо было натянуть на сапоги в непосредственной близости с противником, чтобы заглушить звуки шагов.

Последним штрихом было то, что уже не удивило Виктора: бойцы и офицеры начали намазывать лица и руки сажей. Страшно и смешно было смотреть на чумазые лица сослуживцев. Под таким гримом уже невозможно было узнать никого – все стали одинаковые.

Большая группа странно одетых мужчин бесшумно двигалось в сторону фортификационного сооружения с двухтысячелетней историей. О тех местах, где им предстояло вести бой, впервые упоминал еще в первом веке римский ученый Плиний Старший. Именно в его письменах есть описание рва с валом, отрезающего полуостров Крым от материка. Об этом же писал и Геродот задолго до него – в пятом веке до нашей эры, но без упоминания местности. В древности канал был с водой и по нему даже ходили корабли, сокращая путь. Строителям, наверное, проще было выкинуть грунт в обе стороны, что сократило бы трудоемкость наполовину. Но вместо этого они вынимали грунт в одну сторону, создавая вал. Защитный вал. Кто создавал этот ров с валом – неизвестно. Ясно только одно: планировали защититься от угрозы, исходящей от материковых степей.

Теперь войскам Красной Армии предстояло прорвать оборону укрепленных позиций гитлеровцев на этом валу и разгромить двухсоттысячную группировку на полуострове. Немцы почти полгода, используя географические условия Перекопского вала, готовили здесь оборону очень глубокую и усиленную инженерно-минными заградительными сооружениями. В связи с открытым характером местности скрытное продвижение советских войск было затруднительным. Поэтому передвижение личного состава, подвоз боеприпасов и продовольствия осуществлялись только в ночное время. А техника тут же зарывалась в грунт.

Странно одетым бесшумным мужчинам предстояло стать важным винтиком в этой операции. Захват господствующей высоты обеспечивал войскам время для похода к валу, корректировку артиллерийского огня перед штурмом и контроль выгодного направления удара основных сил.

Взвод Кошелева был оставлен в небольшой балке. Остальные взводы, во главе с капитаном Лысенко, ушли в ночь. Буквально через пятьдесят метров их перестало быть видно и слышно. Второй взвод прилег и прижался к левому склону балки. Виктор стал напряженно всматриваться в темноту в тревожном ожидании. Прошло уже полчаса, а ничего не было слышно.

Но вот мелькнула ослепительная вспышка, затем ночную тишину прорезал звук взрыва гранаты. Еще одна вспышка, другая... Выстрелы... И понеслось: справа знакомый стрекот немецкой MG-42, слева, ближе, слышны звуки наших ППШ, редкие ответы винтовок и вспышки от выстрелов немецких автоматов. Снова взрывы гранат – захлебнулся немецкий пулемет.

Вдоль вала, справа и слева, взметнулись осветительные ракеты противника. При их свете Виктор успел разглядеть, что дело сделано – рота ворвалась в траншею противника. Но немцы этого ещё не понимали в суматохе. Не стреляли с других позиций – боялись попасть в своих. А рота слилась с местностью и затаилась, больше не стреляли, предпочитая работать холодным оружием, добывая противника.

Через некоторое время со стороны высоты к балке, где укрывался взвод Кошелева, прилетела зеленая ракета – «все в порядке» – можно подходить. Виктор тихим голосом поднял взвод и повел так же бесшумно на высоту. Впрочем, особой тишины не требовалось, потому что немцы очухались: там и тут раздавались выстрелы, окрики. Скоро поймут, что позиция уничтожена и постараются вернуть обратно. Взвод Кошелева быстрым шагом приблизился к рву, перебрался через него, начал подниматься по пологому насыпному склону высоты.

В это время с двух сторон ударили немцы. Сначала послышались глухие звуки выстрелов немецких 50 мм пехотных минометов. Стреляли в темноте наобум, поэтому они особого вреда не доставили. Легкие ранения получили лишь два бойца из взвода Кошелева. Но личный состав уже успел подняться на высоту и укрыться в окопах. Осторожно продвигаясь по траншее в поисках командира роты, Кошелев видел множество убитых гитлеровцев, валяющихся под ногами. Слава богу, что нет среди них наших бойцов. Во всяком случае он пока не видел.

Ротный обнаружился у немецкого ДЗОТа. Он давал указания по организации обороны. Рядом связист разворачивал свою рацию. Со слов командира стало ясно, что скоро начнется артподготовка наших войск – светает. Необходимо корректировать их огонь. Бессмысленное закидывание противником мин прекратилось. Видимо, они тоже ожидают рассвета.

– Задача вашего взвода – прикрывать занятые позиции с правого фланга, – сказал капитан Лысенко. – Там, дальше, метрах в трехстах от этого места. С той стороны, вдоль по валу, немецкие позиции. Но по данным разведки, их там мало. Так что основная задача для вас – прикрывать роту с этого фланга. Действовать осмотрительно. На рожон не лезть. Беречь личный состав. Главная задача по взятию высоты ротой выполнена. Ждём удара наших главных сил.

Кошелев увёл взвод на оставленные немцами позиции. Довёл бойцам приказ командира роты.

С рассветом, как и предполагал капитан, немцы ударили с тыла и левого фланга. Понимали, что с фронта укрепленные самими же позиции им не взять. А справа, где стоял взвод Кошелева, мешал рельеф самого вала. С тыла была артиллерия, слева наступали немецкие солдаты. Несмотря на ожесточенное желание гитлеровцев вернуть выгодную высоту, им это не удалось. В течение часа, пока шёл бой, фашисты неоднократно бросали людей на высоту, но продвинуться вперёд не смогли.

Вдруг земля содрогнулась от мощных нескончаемых взрывов – это наша дальнобойная артиллерия начала артподготовку. Задача бога войны в период артподготовки – это подавление огневых точек, в том числе артиллерийских и минометных батарей, разрушение дзотов, а также создание хаоса в управлении и организация проходов в заграждениях для движения наступающих войск. Через час с небольшим артподготовки огонь уже меньшей интенсивности был перенесен в глубину обороны противника.

Как только артиллерийский огонь был перенесен в глубину, со стороны позиций наших войск открыли массированный огонь из стрелкового оружия и слышались возгласы: «Ура-аа!»

Виктор подумал, что уже началось наступление основных сил, но оказалось, что это был кратковременный перенос огня артиллерии и имитация атаки, цель которой – вывод солдат противника из укрытий. Буквально через пять минут артиллеристы снова перенесли огонь на передовые позиции гитлеровцев.

Позже по допросам пленных немецких солдат выяснили, что нашу ложную атаку противник принял за настоящую. Поэтому вывел свои силы из укрытий в первую линию окопов, в результате чего понес серьезные потери в живой силе и технике.

С окончанием двух с половиной часов артподготовки передовые стрелковые полки дивизии, уничтожив небольшие выжившие группы гитлеровцев, в течение первого же часа боя полностью захватили позиции обороны и вклинились на глубину до полутора километров.

Существенную поддержку наступающим ружейно-пулемётным огнём оказывала разведрота Лысенко, засевшая на выгодной позиции. Для бойцов роты это был первый увиденный своими глазами бой, размах которого превзошел все мыслимые ожидания благодаря возвышенности, где они находились. Перед их взором разворачивалась картина батального сражения невиданного масштаба. Нескончаемым потоком шли бойцы и техника через проходы в минных полях, затем, растекаясь по фронту, бросались в бой, метр за метром освобождая занятые противником позиции.

В результате двухдневного напряженного боя дивизия Виктора во взаимодействии с другими соединениями 2-й гвардейской армии прорвала первую полосу обороны и разгромила основные силы обороняющегося здесь противника.

Как только волна наступающих прошла через Перекопский вал, командира роты вызвал к себе, через посыльного, начальник разведки дивизии. Лысенко убыл в командный пункт, приказав роте оставаться на занятых позициях. В ожидании ротного, бойцы приводили в порядок свою форму, переодеваясь в привычное обмундирование, занимались чисткой оружия. Старшина роты занялся обеспечением питания личного состава. Кошелев проверил своих бойцов и, отдав указания замкомвзвода по отправке в тыл раненых, поднялся на высшую точку развалин, чтобы посмотреть окрестности некогда грозной и знаменитой крепости.

Перекопская крепость была важной турецко-татарской крепостью, которая закрывала единственный сухопутный проход в Крым через Перекопское сужение. Турецкое название крепости – Ор-Капу, татары же называли крепость Ферх-Кермен, а славянские народы – Перекоп. Ор-Капу несколько раз разрушалась. В 1500 году крепость попытался взять хан Большой Орды Ших Ахмет. Через год повторил попытку – опять не получилось. Неоднократно брали крепость и оставляли русские войска и запорожские казаки. В 1663 году захватывали крепость запорожские казаки во главе с Иваном Сирко.

Самые тяжелые удары Перекопская линия обороны получила в ходе русско-турецких войн в восемнадцатом веке, в которых непосредственное участие принимало Крымское ханство: и как вассал Османской империи, и как важный объект расширения сферы влияния Российской империи. В 1736 г русские войска взяли штурмом Перекопский вал и крепость. Но окончательно овладели крепостью Ор-Капу лишь в 1738 году.

Остатки города и земляных валов крепости, множество раз перестроенных, были совершенно разрушены во время штурма Красной Армией в Гражданскую войну. После этих событий 1920 года крепость дважды становилась ареной военных событий. В 1941 году, несмотря на работы по укреплению Перекопского перешейка и ожесточенное сопротивление Красной Армии, пришлось оставить эти места на долгие два года. И вот теперь советские войска бесповоротно овладели Перекопским валом и отбросили гитлеровцев вглубь полуострова.

Виктор всматривался вдаль, но кроме развалин крепости и близлежащих холмов, ничего не было видно. Повсюду клубы дыма от горящей техники, временных зданий и сооружений поднимались до самого неба, превращая светлый день в сумерки. Сквозь эту мглу то там, то тут вспыхивали багровые всполохи огня – видимо, взрывались остатки боеприпасов.

Но там, дальше, со стороны моря, где был виден через дым красный диск – стали пробиваться слабые лучики солнца, от чего игра света стала умопомрачительной. В то время как южный склон Перекопского вала оставался во мраке дыма пожарищ, северный склон, освещенный лучами солнца, окрасился в светлые золотистые и яркие осенние краски.

Глава 5. Ожидание

Из идиллического состояния Виктора вывел многоголосый хохот бойцов взвода. Лейтенант обернулся к своим. Там, внизу, собравшись в кружок, бойцы слушали очередные байки записного шутника и балагура Савелия. Как в газете пишут: *«Жить без пищи можно сутки. Можно больше. Но порой на войне одной минутки не прожить без прибаутки, шутки самой немудрой»*.¹ Кошелев спустился к своим, прислушался, улыбаясь.

– Взял я, значит, удочки и пошел к озеру, – продолжал вещать Савелий. – А там красота неопишная. Раннее утро, солнце только-только встает, пробиваясь лучами из-за крон деревьев, растущих вокруг озера. А над водой такой легкий туман от испарения... И ни ветерка. Тишина. Слышно только, как далеко за деревьями в лесочке поют птички негромко... Но портит эту идиллию такой, знаете, как бы это помягче выразиться, неприятный запах. До тошноты, откуда-то тянет. Фу-уу...

Савелий все это рассказывал с чувством и интонацией, причем его подвижное лицо меняло выражение практически с каждым предложением. Вот и сейчас с последним словом сморщил нос, затем умолк в театральной паузе.

– Ну-уу?! – взмолились бойцы в ожидании продолжения. У многих при этом на лицах заранее висела широкая улыбка. Вот сейчас Савелий задаст... Но Савелий продолжил спокойно:

– Смотрю, в сторонке, на мостках, сидит дед с удочкой. Тоже, видать, на рыбалку пришел. Я к нему подхожу и обращаюсь, так уважительно: «Здорово, дед!» Он: «Здравствуй, милоч!» Я: «Слушай, дед, я сам не местный – в гости приехал. Вот решил рыбу поудить...» Дед: «Что ж, хорошее дело. У нас тут знатная рыбалка». Я говорю: «Да, все прекрасно, красиво – лес, озеро, тишина, рыбалка. Только не пойму – от чего так воняет здесь?» Дед встрепенулся, ожил, вышел из полусонного состояния и говорит: «А ты разве не знаешь историю здешних мест?! Ну, тогда слушай!» Он полностью повернулся ко мне лицом, устроился на своем импровизированном стульчике поудобнее и продолжил: «В нашей деревне жили-были две семьи – соседи. Дружные были. В одной семье росла девочка, в другой – мальчик. Мальчик с девочкой все время были вместе – не разлей вода. Играли вместе на улице, друг друга в обиду не давали. Зовут кушать мальчика – девочку берет с собой, зовут девочку домой – она его к себе приглашает. Как одна семья, в общем. Как подросли – пошли в школу, сидели за одной партой. Когда заканчивали школу, дружба переросла в большую любовь. Так любили друг друга, так любили... Вся деревня радовалась их счастью. Но возраст уже был у парня призывной. Забрали в Красную Армию, а тут и финская началась.» Дед слегка прокашлялся и запел:

Мы приходим помочь вам расправиться,

Расплатиться с лихвой за позор.

Принимай нас, Суоми-красавица,

*В озерелье прозрачных озёр!*²

Ну, он там и сгинул, в этих озерах прозрачных. Пропал без вести. Аккурат зима была, как повестка пришла. Девочка наша так убивалась, так убивалась... хотела даже в петлю залезть. Удержали тогда. Прошло полгода, наступило лето, она вот, с этих мостков бросилась в озеро и утопла. Вся деревня хоронила, сердешную...

Дед замолчал, достал кисет с махоркой, скрутил сигарку, закурил и, пустив густой дым, продолжил: «Ты представляешь, прошло буквально через два месяца, как ее похоронили, вернулся тот парень с войны. Оказалось, что был в плену у финнов. Вот, вернулся, а любимой-то уже нет в живых. Что делать?! Жизнь она такая. То одним боком повернется, то другим...»

Я спрашиваю деда: «И что дальше?» Дед посмотрел на меня с прищуром, сквозь табачный дым и говорит: «Что – что? Он тоже утоп. Вот, напился самогону и утоп, бросившись в озеро с этих самых мостков, что и его любимая... Эх-эх-хэхх... Вот такая грустная история в нашей деревне приключилась, сынок!» Я говорю деду: «Да! История очень грустная! Но, скажи, дед, почему воняет-то возле озера?» Дед: «Не знаю... Насрал, наверное, кто-нибудь на берегу...»

Гомерический хохот всего взвода разорвал напряженную тишину. Виктор тоже улыбнулся и подумал: «Молодец, Савелий! Какая бы нелепая шутка ни была – все идет на пользу бойцам. Снимает напряжение. Только что был бой, каждый смотрел смерти в лицо – убиты, ранены товарищи, тяжело на душе и... вдруг... кто-то отпустил шуточку, рассказал анекдот. И хохот. Взрыв хохота! И отлегло... Фронтовики – люди грубоватые, иной раз циничные, но человеческое достоинство не уронят. Пусть шуткуют... Без этого нельзя...»

Лейтенант Кошелев по траншеям пробрался к первому взводу. Старший лейтенант Синицын был в блиндаже, сидел за столиком и что-то записывал в блокнот.

– А, Виктор! Заходи! Я тут записываю ход боя, пока свежо в памяти. Потом во время разбора у командира роты пригодится. Рекомендую тоже так поступать.

– Да, я на память не жалуюсь...

– Все так говорят.

– Нет, на самом деле, – сказал Кошелев, усаживаясь на скамейку. – Я не шучу. Стоит мне взглянуть на текст или объект, то сразу запоминаю, могу воспроизвести, описать. Как будто перед глазами фотографическая карточка.

Синицын заинтересованно посмотрел на Виктора.

– Хммм... Интересно. А командиру говорил об этом?

– Нет, не успел. Некогда было. Мы с ним даже не успели поговорить. Сначала ушел на задание с группой, потом этот бой...

– Ну-ка, давай, проверим, пока нет командира! Отвернись!

Кошелев с улыбкой отвернулся в сторону выхода из землянки. Синицын снял часы с руки, покрутил стрелки, положил на столик. Туда же разместились еще множество предметов из планшета и карманов. Что-то поднял с пола и тоже положил на стол.

– Сейчас ты повернешься, посмотришь на предметы на столе течении 10 секунд и как можно подробнее опишешь их, отвернувшись, – сказал Синицын. – Поворачивайся!

Виктор повернулся, посмотрел на стол и не дожидаясь сигнала отвернулся:

– Я готов.

– Так быстро? – удивился старший лейтенант. – Говори!

– На столе лежат твои часы из желтого металла, время на них без пяти девять, хотя сейчас время другое – я смотрел на твои когда зашел. Было четырнадцать тридцать пять. Кроме этого на столе компас, карандаш химический, блокнот, в который ты писал, две стреляные гильзы от ППШ, один патрон от ТТ, немецкая монета, не знаю какого достоинства, решкой книзу. Ах да, керосиновая лампа – немецкая. И еще между досок застрял засохший паук.

– Из желтого металла?! – обиделся Синицын в шутку. – Они золотые – папин подарок в честь окончания военного училища. В остальном – все верно! Да ты феномен, Кошелев!

– Это ерунда. Я баллистические таблицы запоминал в училище с одного прочтения.

– Твои способности надо использовать в нашем деле. Разведчику умение запоминать большой объем информации крайне необходимо.

В это время в блиндаж заглянул один из бойцов:

– Товарищ гвардии старший лейтенант, ротный идет!

Синицын с Кошелевым вышли встречать капитана Лысенко. Он был не один. С ним прибыл еще один офицер – майор НКВД.

– Товарищ гвардии капитан, за время вашего отсутствия происшествий не случилось. Личный состав занимается приемом пищи, приводит в порядок себя и вверенное оружие. Раненые отправлены в медсанбат, – доложил Синицын.

– Хорошо. Соберите всех офицеров роты. Вот, товарищ майор желает побеседовать.

Собрались в том же самом блиндаже: пространство позволяло.

– Вот, товарищ майор, пять человек вместе со мной, – сказал ротный. – Политрука у меня нет – убит, до сих пор не прислали. Командир третьего взвода в медсанбате – ранен. Лейтенант Кошелев у нас только третий день. Остальные офицеры надежные, проверенные.

– А лейтенант Кошелев, значит, ненадежный?! – спросил майор.

Каверзный вопрос энкаведешника нисколько не смутил капитана. Он спокойно ответил:

– В бою он себя показал смелым, не трусил. Но изучить его более подробно пока возможности не было. Я же сказал, что он у нас всего три дня.

Майор достал из планшета листочки, положил на стол перед собой. Виктор заметил, что это был списки с фамилиями. Офицер НКВД пробежал по списку глазами, отложил в сторону.

– Товарищи офицеры! – начал он. – Красная Армия успешно наступает, освобождая ранее занятые территории Советского Союза. Но в освобожденных территориях еще остается недобитый враг, предатели и их пособники. Для их поиска, ликвидации или ареста нам необходимы офицеры с боевым опытом. У меня есть предписание отобрать определенное количество офицеров. Будут учитываться рекомендации непосредственных командиров, личное желание и согласие. Нам люди, работающие из-под палки, не нужны. Хотя у нас есть возможности заставить, но мое мнение такое. Нужны люди, осознанно идущие в нашу структуру. Не скрою, работа крайне опасная, но этим вас не напугать. Мы уже по пути поговорили с вашим командиром. Он назвал несколько фамилий. Но прежде я хотел бы лично поговорить с каждым из вас.

Виктор вместе с остальными офицерами вышел из блиндажа. Настроение у всех было паршивое. Похоже, никто не хотел менять боевую работу разведчика на фронте на деятельность сотрудников НКВД в тылу. Во всяком случае, так думал Кошелев. Но оказалось, что он ошибся. Хотя он думал, что его вообще не пригласят на беседу, учитывая отсутствие боевого опыта, но когда все офицеры побывали по одному в блиндаже, послышался возглас:

– Лейтенант Кошелев! Прошу!

Виктор зашел внутрь. Майор держал в одной руке бумаги, в другой – дымящуюся папиросу.

– Присаживайтесь, Кошелев. Каким образом вы после пребывания в штрафной роте стали офицером и попали в войсковую разведку? В моей практике подобное впервые... Что-то сомнительно.

– Я полностью реабилитирован, товарищ майор. После госпиталя я завершил обучение в военном училище и, по рекомендации экзаменационной комиссии, получил назначение сюда. Все документы находятся в штабе дивизии, можете проверить.

– Я уже смотрел ваши документы, товарищ лейтенант. Для этого мне ваше разрешение не нужно. Кроме того я отправил запросы в училище и штрафную роту. Мы с вами возможно еще встретимся. А пока можете быть свободны.

Виктор молча вышел из блиндажа и подошел к группе офицеров, весело переговаривающихся между собой. Неопределенность для них закончилась. Выяснилось, что командир первого взвода старший лейтенант Синицын дал согласие перейти в структуру НКВД. Более того, его рекомендовал сам ротный. Прощание с Синицыным было коротким. Обнялся с каждым офицером, попрощался со своим взводом, забрал личные вещи у старшины и уехал с майором.

Капитан дал команду личному составу готовиться к передислокации. Штаб дивизии переместился, и разведроде указан район для переезда. Скорее для перехода – транспорта не будет. Пойдут пешком. Но ушлый старшина, фактически первый помощник командира роты, нашел транспорт для своего имущества и тяжелого вооружения роты. Так что бойцы пойдут налегке. Не придется тащить на себе ротные 50 мм минометы, ручные пулеметы и противотанковые ружья. На этом же транспорте уехал и личный состав санитарного отделения, оставив в роте одного санинструктора.

[1] Отрывок из поэмы А. Твардовского «Василий Теркин». Печатался во фронтовых газетах с 1942 года. Завершен в 1945 году.

[2] Отрывок из песни «Принимай нас, Suomi-красавица». Музыка: Даниил и Дмитрий Покрасс. Слова: Анатолий Д'Актиль (Френкель). 1939 год.

Глава 6. Письмо

Разведрота разместилась в очень удобном месте, северо-западнее Армянска. Ощущалась близость моря: с запада дул тёплый соленый ветер, перебивая запах гари выжженной степи. В практически разрушенный посёлок не было смысла соваться – там ещё шли бои с ожесточенно сопротивляющимся врагом. А у разведки своя работа, свои задачи: добыть достоверные сведения о противнике, его группировке, численности, состоянии, расположении, вооружении и намерениях...

Да, рота занималась своими задачами, но к этой работе Кошелева не допускали. Почти каждый день уходили группы на задания – командованию требовалась свежая информация. А кто же ее добудет, как не разведка. Уже неделю Виктор маялся в неизвестности. Конечно, без дела не сидел – занимался со своим взводом, но больше на боевых выходах не бывал. Даже сам капитан Лысенко не раз ходил за языком, а про лейтенанта как будто забыл. Не раз и не два подходил к командиру роты, но у того один ответ: «Еще не время!»

Однажды ротный почтальон принес письмо. Удивленный этому сообщению лейтенант – писать было некому – взял из рук письмоносца аккуратно запечатанный конверт. Письмо было от Вали. От Вали Шишкинской – училищной медсестры.

«Салют, боец! Ой, извините, товарищ лейтенант! С пламенным комсомольским приветом из родного вам училища младший сержант Шишкинская! т Я, как только узнала вашу полевую почту, села писать письмо. Как обещала. Как ваши дела? Хорошо ли вас там приняли? Как воюете? Как бьете фашистскую гадину? Мы с вами виделись всего ничего, а как уехали – будто что оторвалось внутри – стало грустно. Вы так молоды, а столько пришлось пережить. А все из-за меня. Я так чувствую себя виноватой. Если бы знала тогда, что вас отдают под трибунал из-за ревности лейтенанта Семенова, то сама бы пошла рассказать про этого неприятного человека. Он очень плохой человек. Виктор! Я тоже решила уйти на фронт. Написала рапорт. Мама моя против, конечно. Но я твердо решила. Сейчас прохожу подготовку в качестве радиста помимо своей медицинской специальности. Может, меня тоже направят в разведку?! Хорошо было бы попасть к вам!»

Дальше Валя писала про Москву, про училище. О том, что стало тихо и спокойно – бомбежки прекратились. Будто и нет войны. А заканчивалось письмо такими словами:

«До свидания, Виктор! Я пишу „до свидания“, потому что надеюсь на встречу. Возможно, увидимся, когда мы, наконец, раздавим фашистскую нечисть! А вы берегите себя! И простите за мое нескромное письмо. Валя.»

Виктор с волнением перечитал письмо еще раз. Перед его глазами стоял образ девушки в белом халате в проеме окна медпункта. Вот бывает же так: раньше и знать не знал, что это за медсестра, причем даже имел отрицательное суждение о ней, но лишь одна встреча, один лишь взгляд, одно прикосновение переменило все. Когда Виктор вспоминал о ней, а вспоминал он почти каждый день, то думал об их последней встрече. Как она смотрела на него, что говорила, как порывисто коснулась его руки...

– Товарищ гвардии лейтенант, – голос бойца отвлек его от мечтательных раздумий. – Вас ротный требует к себе.

«Неужели и обо мне вспомнили?!» – подумал Кошелев. Он быстренько привел себя в порядок и отправился к командиру роты.

– Настало время устроить вам проверку, Кошелев, – сказал Лысенко, когда лейтенант доложил о своем прибытии. – Через это проходят все офицеры, прибывшие в мою роту. Я изучил ваше личное дело, посмотрел в бою, присмотрелся со стороны в повседневной жизни. А теперь перейдем к непосредственной проверке ваших личных качеств – физических и внутренних. Начнем с короткого спарринга, как говорят англичане. Я знаю, что вы занимались боксом. Прощу!

Они с капитаном вышли на площадку, окруженную бойцами. Для личного состава роты это было обычное явление, и поэтому лица были серьезные. Никакого ожидания театрального представления – это был очередной урок. Офицеры сняли головные уборы и портупей. Встали в стойки.

Если Виктор стоял в классической боксерской стойке (левая нога впереди, левая рука, согнутая в локте, вынесена вперед; правая нога на шаг сзади и полшага вправо, правый кулак прикрывает подбородок), то капитан стоял в обычной стойке с опущенными руками. Но был какой-то весь собранный, напряженный, и в то же время создавалось впечатление, что человек стоит расслабленно и не представляет опасности.

Виктор пошел в атаку нанося короткие прямые удары левой и... тут же оказался на земле. Сидя, прислушался к своим ощущениям: нигде ничего не болит, но как он очутился на спине?

Кошелев вскочил на ноги, снова бросился в атаку. На этот раз получил ощутимый удар в грудь, да такой, будто врезался в бетонный столб. У него перехватило дыхание. Теперь он стал осторожничать: сбавил темп, нанося обманные удары, начал кружить вокруг партнера. Один раз даже достал правым хуком, так ему показалось, но удар пришелся в пустоту.

Виктор разозлился. Как это так? Он, неоднократный чемпион училища, не может даже одного удара нанести. Начал комбинировать удары, наносил сериями, но все движения были или в пустоту, или их блокировал капитан. Наконец, ротный в стремительном броске опрокинул Кошелева на спину и зафиксировал того в болевом приеме. Виктор попытался вырваться из цепких рук и ног капитана, но безрезультатно, лишь себе причинил боль.

– Все! – сказал капитан. – Встаем! Достаточно...

Они встали на ноги. Виктор, морщась и потирая плечо в месте старого ранения, а капитан без всяких эмоций, лишь на мгновение показав на лице подобие улыбки.

– Неплохо, – сказал обращаясь к Кошелеву. А затем повернулся к бойцам и продолжил. – Все уяснили как необходимо действовать, когда на вашем пути встречается противник с боксерской подготовкой? Лейтенант Кошелев имеет довольно приличную подготовку, но он действовал как на ринге, поэтому проиграл. Но поле боя – это не ринг!

Среди бойцов послышались нестройные одобрительные возгласы.

– Имея такие навыки, как у вас, товарищ гвардии лейтенант, но при правильном их применении, можно стать хорошим бойцом... Но умение хорошо драться не самое главное в нашем деле, хотя и немаловажное. Обезоружить, оглушить, обездвижить – это одно. Но еще нужно уметь скрытно передвигаться, не обнаруживая себя, найти нужный объект. И каждое сказанное мною слово можно разбить на составляющие: как искать, как двигаться, как обезоружить, как оглушить и связать, как заставить двигаться захваченного в плен и многое другое. Всему этому мы будем учиться. И я с вами: повторение – мать учения. Ваши физические данные на очень неплохом уровне. Будем заниматься!

С этого дня началась интенсивная индивидуальная подготовка лейтенанта. В этом помогали все: и офицеры роты, и бойцы. Со временем выяснилась задержка в проверке и подготовке Кошелева. Оказалось, что ждали подтверждения данных на Виктора согласно запросу, отправленному майором НКВД. И вот теперь, без оглядки на возможное прерывание в тре-

нировках, учениях, можно заниматься. Изменилось и отношение подчиненных к лейтенанту. Если раньше было настороженное, то теперь более открытое, свойское. Частенько некоторые премудрости подсказывали или показывали опытные бойцы.

Но наиболее ценные знания получал от самого капитана. Лысенко был кладезем необходимых для разведчика знаний. Его беседы во время вечерних разборок-посиделок превращались в целые лекции. «Вот бы нам такого преподавателя во время учебы в училище», – думал в это время Кошелев.

– Разведка, добывая сведения о противнике, проявляется как один из важнейших видов боевого обеспечения, – говорил Лысенко. – Она направлена на предотвращение внезапного нападения противника или снижение эффективности его ударов, если нападение произошло. Также для создания благоприятных условия для организованного, своевременного вступления и успешного проведения боя. Своевременность и оперативность, целеустремленность и непрерывность, активность и скрытность, достоверность и точность разведанных – вот основные требования, предъявляемые к разведке. А наблюдение, подслушивание, поиск, налет, засада, разведка боем – являются основными способами ведения войсковой разведки.

Удивительного ума и мудрости был капитан. Слушая его рассуждения на разные темы, житейскую мудрость, можно подумать, что перед ними сидит убеленный сединами старик, настолько были глубоки его познания в военном деле и человеческой психологии. А ведь ему было всего тридцать шесть лет.

– Разведчик должен, в первую очередь, иметь отменную психологическую устойчивость. Важно, чтобы в ответственный момент не запаниковал... В большинстве случаев погибают неопытные, потому что они раньше бросаются в панику. Таких первыми замечает противник и берет на прицел. И еще: нужно привыкнуть к мысли, что в любой момент тебя могут убить. Осознать и свыкнуться с этим. Если ты думаешь, как бы выжить, ты уже ненадежен. Мы на войне. Ты обязан победить свой страх. Зачем бояться того, чего не случилось, а только может случиться?!

Учил концентрироваться на тех вещах, на которые сам можешь повлиять. На бойцов, особенно во время боевых выходов на задания, ложится огромная психологическая и физическая нагрузка. Поэтому необходимо учиться успокаивать ум, останавливая поток непродуктивных, катастрофических образов. Наиболее действенным способом является медитация. Теперь Виктор понял, чем занимались бойцы, сидя в кругу, в первый день его пребывания в роте. Медитируя перед боевыми выходами, боец освобождает свой ум от лишних мыслей, концентрируясь лишь на выполнении задания.

– Самым быстрым и действенным способом успокоиться в критической ситуации является дыхание. Для этого используется два варианта дыхания в зависимости от обстановки или оба варианта вместе. Первый вариант: глубокое размеренное дыхание животом. На четыре счёта вдох, на четыре – выдох. Второй вариант: охлаждающее дыхание. Для этого нужно язык скрутить в трубочку и вдыхать через язык. А выдыхать через нос. Делать это нужно спокойно, не торопясь, медленно в течение нескольких минут. Потренируйтесь! На сегодня все. Завтра затронем тему правильного сна и отдыха, а также способы преодоления боли.

Вечером Виктор сел писать ответное письмо Вале Шишкинской. Оно было коротким, немногословным – Кошелев не любил писать письма.

«Здравствуйте, Валентина! – писал он. – Очень был рад, когда получил от вас письмо. Весьма неожиданно и приятно. Я думал, что вы уже забыли про меня. Мы сейчас дислоцируемся в Крыму. Фашисты заперты на полуострове. Хотя гитлеровская гадина отчаянно сопротивляется, но мы скоро изгоним её отсюда. Валя! Я тоже, как и ваша мама, не поддерживаю ваше решение идти на фронт. Не женское это дело – воевать. У вас есть прекрасная специаль-

ность. Прекрасная работа. Вы там тоже нужны. Сейчас уже не сорок первый год – Красная Армия наступает по всем фронтам.

Берегите себя! Я тоже пишу «до свидания»! Виктор».

Виктор запечатал письмо, написал адрес и задумался. В памяти народной навечно останется образ советской женщины – труженицы, матери, жены и вдовы солдатской. Не найти профессии, которой не смогли бы овладеть женщины. Не было видов деятельности, с которыми не смогли бы справиться они. Тяжелой ношей легла на плечи хрупких женщин эта война. Одно дело – воевать и знать, за что воюешь и с кем воюешь. Другое дело – постоянно находиться в ожидании, в неведении. Каждый день ждать писем с фронта. А что принесет почтальон: то ли радостную весточку, то ли похоронку?!

Вот и задумался Виктор: а правильно ли он сделал, что отсоветовал Валентине уходить на фронт?! Сотни тысяч женщин стали летчицами, зенитчицами, танкистами, пулеметчицами, снайперами, разведчицами, связистками и медсестрами. Валя – девушка бойкая, решительная. Не в ее характере проявлять малодушие.

Тем не менее Виктор не стал переписывать письмо заново. Пусть прочитает и узнает мнение человека, ставшего ей близким с некоторых пор.

Глава 7. Разведвыход

После традиционного ужина у командира роты офицеры вышли на перекур. Сегодня Виктор заметил, что многие рядом с ним многозначительно помалкивали. Кошелев не понимал что происходит. Ситуацию разрешил ротный. Он вышел к ним, как обычно, стремительной походкой.

– Так, лейтенант Кошелев, готовьтесь сегодня ночью на задание, – обрадовал он своим приказом. – Вы уже достаточно подготовлены. Думаю, что пора испытать себя на боевом выходе. Пойдете в моей группе. Сегодня идем двумя группами разведчиков. Вторую группу поведет старший лейтенант Дроздов. Прошу к столу, достать рабочие карты.

Офицеры разведроты сосредоточенно склонились над столом, ожидая постановки задачи. Разведывательная рота – это глаза и уши дивизии. Постановка боевой задачи и ее выполнение всегда требуют своевременного изучения местности. Там, где разведчики пренебрегают изучением местности, никогда не удастся выполнить задание. Кроме того, разведка местности должна вестись не вообще, а конкретно для выполнения определенных задач. Поэтому командир роты всегда начинал с изучения местности на карте, затем непосредственно на местности.

– Командир дивизии поставил задачу провести поиск и взять языка вот в этом районе.

Ротный показывал на своей карте, а офицеры помечали на своих рабочих картах.

– Ситуация осложняется тем, что в этом районе у немцев вся линия фронта состоит из системы сплошных траншей, усиленных инженерными заграждениями и минными полями. Поэтому мною принято решение идти двумя группами. Моя подгруппа идет через эту балку к минным полям. Подгруппа разминирования лейтенанта Кошелева готовит проходы. Моя подгруппа занимается непосредственным поиском и захватом языка. В дальнейшем, в случае обнаружения противником, подгруппа Кошелева прикрывает наш отход. Таким образом, у вас будут две задачи: разминирование и прикрытие.

– Разрешите вопрос, товарищ гвардии капитан? – спросил Виктор. Когда капитан кивнул, Кошелев продолжил. – Для преодоления минного поля нужны саперы. Будут ли они нам приданы?

– Вопрос правильный и своевременный. Да, два сапера пойдут в вашей подгруппе. Остальных подберете из состава своего взвода. Четыре человека – один снайпер, пулеметчик и два автоматчика. Еще есть вопросы?

– Вопросов нет, товарищ гвардии капитан!

– В таком случае, вы свободны! Идите готовьте свою подгруппу. Отдыхайте. Выход в 3 утра.

Капитан повернулся к командиру второй группы Дроздову.

– Вам предстоит другой путь. Необходимо пройти по мелководью Перекопского залива вот в этом направлении. Обойти с фланга. Там нет минных полей, инженерных заграждений. Но путь неблизкий. Посему ваша группа должна выйти раньше. В районе часа ночи. Как раз до рассвета доберетесь. Действовать самостоятельно: осуществить поиск и захват языка.

– Ясно, командир! Сделаем!

– По готовности, перед выходом, группу представите мне лично!

– Есть!

– Если вопросов нет, все свободны, товарищи офицеры!

Виктор отобрал для выполнения задания четверых бойцов. Как и приказывал ротный, один из них был снайпер с самозарядной винтовкой Токарева, другой – пулеметчик с ручным

пулеметом Дегтярева. А автоматчиков подобрал, знающих саперное дело. Примерно через час прибыли два приданных сапера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.